

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95

К ВОПРОСУ О КАВКАЗСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

Махмудова С. М.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать характеристику кавказского периода творчества А. С. Пушкина, указать на значение темы Дагестана в его поэзии.

Процедура и методы. Использовались методы наблюдения, анализа, биографический, концептуальный.

Результаты. В ходе исследования обосновано, что *Пушкин и Кавказ* – это особая тема, которая волнует не только исследователей творчества Пушкина, но исследователей истории Кавказа, истории взаимоотношений России и Кавказа в XIX в. Показано, что период Кавказской войны имел судьбоносное значение как для Кавказа, так и для самой России: возникают новые и укрепляются уже имеющиеся русско-кавказские связи. В горниле войны сталкиваются две культуры, два миропонимания, которые взаимно обогащают друг друга.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает значимость кавказского периода в творчестве А. С. Пушкина, приводятся аргументы в пользу того, что Кавказ становится особым местом – местом, где обитает дух вольности и свободы для сосланных декабристов, местом, где сталкиваются две культуры, две цивилизации, два менталитета, что отражается в произведениях русских писателей конца XIX в.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Кавказ, кавказская война, кавказский период творчества Пушкина

ON THE QUESTION OF THE CAUCASIAN PERIOD OF PUSHKIN'S WORK

S. Makhmudova

*Moscow State University of Psychology & Education
ul. Sretenka 29, Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract

Aim. To characterize the Caucasian period of A. S. Pushkin's work, to point out the importance of the theme of Dagestan in his poetry.

Methodology. The methods of observation, analysis, biographical and conceptual methods were used.

Results. The study proves that Pushkin and the Caucasus is a special topic that worries not only researchers of Pushkin's work, but also researchers of the history of the Caucasus, the history of relations between Russia and the Caucasus in the 19th century. It is shown that the period of the Caucasian War had a crucial significance both for the Caucasus and for Russia itself: new Russian-Caucasian ties are emerging, and the already existing ones are strengthening. In the crucible of war, two cultures collide, two worldviews that enrich each other.

Research Implications. The study confirms the importance of the Caucasian period in A. S. Pushkin's works, arguments are given in favor of the fact that the Caucasus becomes a special place where the spirit of freedom for the exiled Decembrists dwells, a place where two cultures, two civilizations, two mentalities collide, which is reflected in the works of Russian writers of the late XIX century.

Keywords: A. S. Pushkin, the Caucasus, the Caucasian war, the Caucasian period of Pushkin's work

Введение

Основная веха знакомства русской интеллигенции с Кавказом и, в частности, с Дагестаном должна быть отмечена в XIX в., в период Кавказской войны, когда царь Николай I сослал декабристов на Кавказ, чтобы те доказали верность царю и отечеству ратными подвигами. В Кавказский корпус декабристы прибывали рядовыми солдатами.

На Кавказ был сослан М. И. Пущин (брат его, И. И. Пущин, друг А. С. Пушкина, был в ссылке в Сибири)¹, Н. Н. Раевский, В. А. Мусин-Пушкин, Н. Г. Огарёв, Александр, Пётр и Павел Бестужевы (Александр Александрович Бестужев-Марлинский становится здесь автором известных произведений «Аммалат-бек», «Мулла Нур») [2; 4] и многие другие известные декабристы.

А. С. Пушкин был на Кавказе дважды – в 1820 и в 1829 гг. Если первая поездка поэта была согласована с правительством, то вторая – самовольная, знак его внутренней свободы, которую не в силах было ограничить никакому правительству. Тем не менее, поэт оба раза был под секретным надзором властей.

Как пишет Г. И. Кусов, «Пушкин восхищался высокой духовной культурой горцев, гармоничным слиянием кавказской природы и людей, с уважением относился к суровым обычаям гор; он верил в то, что не военные действия, а глубокие экономические и культурные преобразования должны стать подлинным путём кавказских народов в составе России» [5, с. 4].

Первая поездка на Кавказ оставляет неизгладимое впечатление у великого поэта. Он заинтересовался необычной романтикой этой войны, в которой участвовали почти все сосланные декабристы, друзья Пушкина. Николай I ссылал сюда всех декабристов, кого не смог повесить, но хотел бы изгнать из России (кого прямо на Кавказ, кого – через ссылку в Сибирь). Ссылные декабристы начали прибывать на Кавказ с 1826 г., когда

Николай I смилостивился и заменил многим вольнодумцам ссылку в Сибирь Кавказской войной. Это были в основном представители лучших аристократических фамилий России: их сослали, лишив воинских званий и привилегий, иногда и статуса, в должности простого солдата, с тем указанием, чтобы они заново заслужили отнятые звания и кровью доказали верность царю. А в некоторых случаях было приказано не замечать никаких подвигов, совершённых опальным декабристом, не давать новых званий и наград ни в коем случае и не разрешать им возвращения в Россию, что относилось, например, к А. Бестужеву, у которого там же оказались ещё два брата – Пётр и Павел. Если учесть, что декабристов на Кавказе оказалось более 2800, то становится понятным, что участниками войны со стороны России были представители цвета русской нации – носители лучших аристократических традиций, с дворянской честью, прекрасно образованные, бесспорно благородные, с передовыми взглядами и жадной политической перемен, вдобавок ко всему ещё и настроенные против Николая I. А. С. Пушкин глубоко переживал за своих друзей и их общие идеи, уезжая второй раз на Кавказ без разрешения царя, чем также показывал солидарность с декабристами.

О передовом русском обществе XIX в. на Кавказе

В такой ситуации русское передовое общество знакомится с Кавказом, где народы не знают гнёта царей, где они свободны, нет ни крепостничества, как в России, ни тем более власти одного над другими, где все важные решения общество принимает собранием старейшин, и данные решения выполняются неукоснительно. Это была интересная форма политического устройства, которое начало притягивать сюда не только лучшие умы России, но и угнетённых крепостничеством простых русских людей и преследуемых властью старообрядцев, большими массами уходивших на поселение на Кавказ, где принимали всех мирных, помогали с бытовыми проблемами. Так, например, А. Бестужев-

¹ Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. В. Э. Вацура. М.: Художественная литература, 1985. С. 97–103.

Марлинский, по некоторым данным, ушёл к горцам, взяв имя Искандер-бек, женился там и таким образом навсегда исчез из поля зрения царской жандармерии.

Некоторые передовые деятели русской культуры и после войны оставались на Кавказе, изучая быт, культуру, менталитет горских народов, предпринимая шаги по обучению горцев русскому языку, открывая русские школы, отправляя в Россию на учёбу способных горцев. Среди них такие известные имена, как П. К. Услар, Я. М. Неверов, Д. Д. Семёнов и др.

А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. Бестужев-Марлинский, М. Ю. Лермонтов, А. Дюма и другие известные деятели не только русской, но и зарубежной литературы дали миру образ настоящего горца, с прогрессивной и гуманной точки зрения рассматривали процесс сближения Кавказа и России [6; 7; 8].

П. К. Услар, генерал-майор русской армии, участвовавший в данной войне, после её окончания остался изучать языки и историю Кавказа и дал ряд капитальных грамматических описаний абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табасаранского языков, актуальных до сих пор, попутно открывая русскоязычные школы для дагестанских учащихся.

Следует отметить слабо изученный факт жизни русской аристократии на Кавказе, обусловленный характером как горцев, так и русских военных, ставивших честь выше всего: иногда русские могли сдружиться с кавказцами, причём гость, в качестве которого русский, едва переступивший порог сакли, входил в дом, оказывался, по горской традиции, под защитой не только хозяина дома, но и всей его семьи, всего его рода. Пока такой гость не выезжал за пределы селения, его никто не мог даже обидеть, его одаривали подарками как всякого другого гостя, кормили, с ним беседовали, пытались помочь в решении проблем. Второй – третий приход этого гостя поднимал дружбу хозяина и русского гостя на уровень куначества, по законам которого хозяин и гость обязаны помогать друг другу в любых ситуациях даже ценой жизни. Так, в селении Рутул известен случай, когда

связанные куначеством русский и рутулец оказались в битве при Ахтах в 1848 г. друг против друга. В конце сражения появились пушки, горцы начали проигрывать, и русский попытался спасти кунака: «Бежим!» Тот отвечает: «Сейчас! Подожди, я тут руку потерял!» А русский кричит: «Твоя рука в моём кармане! Бежим!» Оба ушли в Рутул по горам. Там русский оставил кунака и вернулся к своим. В этом маленьком эпизоде вырисовывается благородство обоих народов, сочувствие друг другу, взаимопонимание, поднимающие людей над враждой или политическими амбициями. К сожалению, такие факты, обусловленные законами чести, не освещены в литературе должным образом.

Мы в общих чертах рассмотрели особенности взаимоотношений русского дворянства и кавказских народов в период появления на Кавказе А. С. Пушкина, т. к. без этого анализа дух кавказских произведений великого поэта не может быть до конца понят, в то время как большинство произведений русского гения так или иначе оказывается связанными с кавказской проблематикой.

О пушкинских характеристиках Кавказа: образы и оценки

На подобном историческом фоне раскрывается роль «кавказских» произведений А. С. Пушкина не только для русской литературы, но и для истории русско-кавказских отношений исследуемого периода [3; 7]. В то время как царь надеялся, что после посещения Кавказа А. С. Пушкин напишет стихотворения и оды, восхваляющие действия России и её полководцев, Александр Сергеевич представил своё видение события: «Приехать на войну с тем, чтобы воспеть будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения» («Путешествие в Арзрум») ¹.

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Предисловие. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.1/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

«Путешествие в Арзрум» – это произведение А. С. Пушкина, в котором глубоко осмысливалась война, роль России на Кавказе, было раскрыто его объективное отношение к кавказским народам. Пушкину гораздо приятнее оказалось писать о природе Кавказа, поразившей его поэтической красотой и величием. Её он описывает и в «Путешествии в Арзрум»: «Стеснённый Терек с рёвом бросает свои волны чрез утёсы, преграждающие ему путь. Ущелие извиляется вдоль его течения. Каменные подшвы горы обточены его волнами»¹. Всего три предложения, но столько в них поэтических фигур!

Изумительны по точности описания картины кавказской природы, подмеченные гениальным взглядом А. С. Пушкина: это, например, метафора **смелый мостик**. Только побывавший на Кавказе поймёт, почему мостик **смелый**: через бурные и опасные реки в ущельях горцы перебрасывают самодельные мостики из подручных материалов – брёвен, кустов, камней, под которыми в обыкновенно больших щелях грозно ревет река. И не каждый из числа неместных рискнёт перейти через подобное сооружение, тогда как местные жители не только перейдут, но и сделают маленький ремонт, если мостик того требует. А если нет мостика в нужном месте, то в течение нескольких минут его соорудят.

Ни разу не используя слово *страх*, поэт отражает чувство страха в описании опасностей путешествия иностранного консула через вершину горы: «Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком»². Читатель ещё не понимает почему. Но там же описывается состояние человека, незнакомого с подобными местами: «Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он был так слаб, что велел завязать себе глаза»³. Читатель не понимает ещё, почему слабому завязывают глаза и при чём тут глаза, если человек слаб; но

дальше образ опасности усиливается: «его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога и проч.»⁴. Если иметь в виду, что описан консул, которому завязали глаза на такой высоте, потому что он испугался смотреть вниз, а когда его провели через опасное место, он упал на колени и стал молиться, то можно только восхититься пушкинским мастерством передачи впечатлений от горной местности. И это же предложение поэт завершает словами: «что очень изумило проводников», – короткой фразой отображается привычка к подобным опасностям у горцев, даже не понимающих, чего тут можно бояться. Эти два предложения гениальны по простоте и глубине мысли: изображено обычное для Кавказа событие, которое может иметь место в любом селении, на любой горе. И такое умение схватить суть двумя предложениями свойственно только гениям пера (ср.: гора на рис. 1 имеет некоторое сходство с профилем поэта).

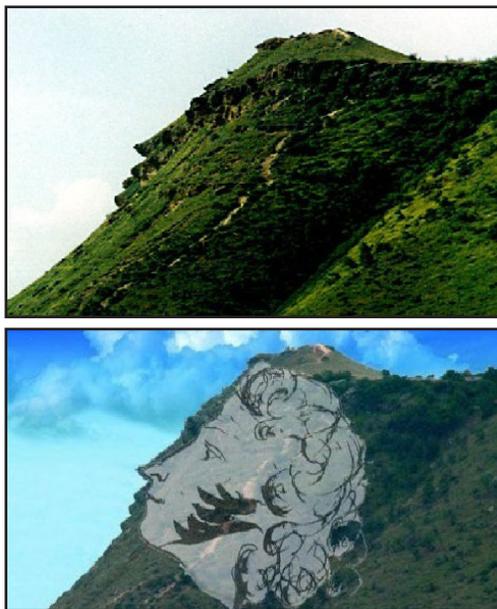

Рис. 1 / Fig. 1. Гора Пушкин-тау в Дагестане / Pushkin-tau mountain in Dagestan

Источник: Эта удивительная планета [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@bibldetky-eta-udivitel'naya-planeta27> (дата обращения: 20.05.2024).

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Глава 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

А. С. Пушкин осознавал связь Кавказа с мировой историей: «...Мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов»¹. В этой фразе обнаруживается образованность поэта: в XIX в. редко кто мог знать о походах на Кавказ Помпея, разбитого в тех местах в 61 г. н. э., и Александра Македонского, остановившегося около ворот Дербента.

Некоторые метафоры из описаний поэтом Кавказа бессмертны: определения *вёсёлая Арагва* и *грозный Терек* до сих пор используются многими авторами и стали «паспортом» этих рек.

О различиях языковой картины мира в связи с проблемой перевода текстов А. С. Пушкина

Стихотворение «Из Гафиза», написанное на Кавказе, называется «*Шеер I. Из Гафиза*». До сих пор остаётся загадкой для литературоведов, что означает слово «*шеер*». Предлагается перевести его как «полк» из турецкого языка. Между тем, *шеер* (/ишир/) – это «стихотворение» на некоторых языках Кавказа. По-видимому, поставленное поэтом число *I* означает, что это стихотворение первое из цикла, который А. С. Пушкин собирался создать.

В рамках поддержки национальных литератур стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (далее – «Памятник») было переведено на 30 языков народов России, в том числе на несколько языков Дагестана. Автору этих строк также было предложено перевести данное стихотворение на родной язык. Однако сделать вольный перевод глубокого стихотворения великого поэта не хотелось позволить себе, а сделать литературный перевод не представлялось возможным. Так, само понятие «памятник» в рутульском языке означает «надмогильный камень», и данная сема («надмогильный») содержится не только в исконном слове *сыл*, но и в

заимствованном из русского языка слове «*памятник*», в ранее пришедшем из арабского слове «*гъаЙйкал*», что выхолащивает философскую идею стихотворения – получается следующее: «я себе поставил надмогильный камень, я похоронил себя».

Далее, как отмечаем, предложенные и опубликованные переводы не выдерживают размер «Памятника» – шестистопный ямб стихотворения и рифма А-Б-А-Б передаются в зависимости от литературных традиций поэзии каждого народа, к которому принадлежит переводчик.

Славянизмы, употреблённые поэтом для придания тексту возвышенности, торжественности, невозможно перевести с тем же значением и стилистическими оттенками, что умалет основной смысл стихотворения, а также семантическое сходство с греко-римской одой.

Проблемой для переводов становится понятие «Александрийский столп», т. к. в национальных литературах и в сознании носителей дагестанских языков Александр I как-то не сохранился. Здесь под прецедентным именем *Александр* больше знают *Александра Македонского*, и в таком случае перевод отсылает именно к нему.

Тем не менее, поэты постарались передать основную мысль стихотворения «Памятник», что даёт возможность познакомиться с творением гения на родном языке².

Заключение

Следует отметить, что тема Кавказа была одной из главных в произведениях великого русского поэта.

Романтическая поэма «Кавказский пленник», написанная после первой поездки А. С. Пушкина на Кавказ в 1820 г., как итог общения с такими уже известными на Кавказе деятелями, как генерал Н. Н. Раевский и кавказовед С. М. Броневский (автор работы

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Глава 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

² «Памятник» А. С. Пушкина на 30 языках народов России [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/06/06/pamyatnik-a-s-pushkina-na-30-yazykakh-naro> (дата обращения 20.05.2024).

«Новейшие географические и исторические известия о Кавказе») [4], представляется произведением, впервые показавшим русским и европейским читателям реальный Кавказ, обычаи горцев, набросавшим первые черты их характера и отличного от других народов менталитета, что передано поэтом не без восхищения, правдиво, без ненависти к врагу.

Поэт пишет бессмертное стихотворение «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...») в 1829 г. и снова создаёт образы, заставляющие не только увидеть Кавказ, но как бы даже почувствовать его дух, силу и величие гор:

... Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
 Парит неподвижно со мной наравне...
 Здесь тучи смиренно идут подо мной,
 Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады...
 Где Терек играет в свирепом веселье;
 Играет и воет, как зверь молодой...¹

В этой связи поражает то, что один из первых исследователей творчества великого поэта К. Н. Бегичев мог написать: «Не одни военные подвиги, а вообще такой чудный край, как Кавказ, по-видимому, не произвели на Пушкина должного поэтического впечатления» [1, с. 19].

У стихотворения «Кавказ» есть ещё одна строфа, которую цензура до сих пор не представляет широкой публике, т. к. в ней содержится раздумья о роли России в Кавказской войне.

Кавказская тема в творчестве А. С. Пушкина изучена достаточно подробно, однако тем и велик его талант, что произведения в каждый период истории России раскрываются с другой стороны, доказывая тем самым богатство граней его ума и гения.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегичев К. Н. Пушкин на Кавказе / сост. К. Н. Бегичев. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1899. 39 с.
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. 721 с.
3. Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи, 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. 231 с.
4. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: В типографии С. Селивановского 1822–1823.
5. Кусов Г. И. А. С. Пушкин и русско-кавказские историко-культурные связи: дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 1998. 306 с.
6. Скатов Н. Н. Русский гений [О А. С. Пушкине]. М.: Современник, 1987. 350 с.
7. Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 106 с.
8. Шадури В. С. Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1966. 229 с.

REFERENCES

1. Begichev K. N. *Pushkin na Kavkaze* [Pushkin in the Caucasus]. Tiflis, tip. K. P. Kozlovskogo Publ., 1899. 39 p.
2. Blagoi D. D. *Tvorcheskij put' Pushkina. (1826–1830)* [Pushkin's Creative Path (1826–1830)]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1967. 721 p.
3. Bondi S. M. *Chernoviki Pushkina. Stat'i, 1930–1970 gg.* [Drafts of Pushkin. Articles, 1930–1970]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978. 231 p.
4. Bronovsky S. M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The Latest Geographical and Historical News about the Caucasus]. Moscow, V tipografii S. Selivanovskogo, 1822–1823.
5. Kusov G. I. A. S. *Pushkin i rusko-kavkazskie istoriko-kul'turnye svyazi: dis. ... d-ra filol. nauk* [Pushkin and Russian-Caucasian Historical and Cultural Connections: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Vladikavkaz, 1998. 306 p.
6. Skatov N. N. [About A. S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987. 350 p.
7. Cherejsky L. A. *Pushkin i Severnyj Kavkaz* [Pushkin and the North Caucasus]. Stavropol, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986. 106 p.

¹ Пушкин А. С. Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине...») [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/689/p.1/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

8. Shaduri V. S. *Pushkin i gruzinskaya obshchestvennost'* [Pushkin and the Georgian Public]. Tbilisi, Literatura da helovneba Publ., 1966. 229 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махмудова Светлана Мусаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», и. о. директора института Иностранных языков, современных коммуникаций и управления Московского государственного психолого-педагогического университета;

e-mail: rutulsveta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Makhmudova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof.m Department of Linguodidactics and Intercultural Communication; Associate Director, Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology & Education;

e-mail: rutulsveta@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Махмудова С. М. К вопросу о кавказском периоде творчества Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 89–95.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95

FOR CITATION

Makhmudova S. M. On the Question of the Caucasian Period of Pushkin's Work. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 89–95.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95